

ДЖОНАТАН ТРОППЕР
САМОЕ ВРЕМЯ
ДЛЯ НОВОЙ ЖИЗНИ

**JONATHAN
TROPPEL
PLAN B**

ДЖОНАТАН
ТРОППЕР
САМОЕ ВРЕМЯ
ДЛЯ НОВОЙ
ЖИЗНИ

РОМАН

Перевод с английского
Любови Трониной

издательство **АСТ**
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Т74

This edition published by arrangement with
WRITERS HOUSE LLC and SYNOPSIS LITERARY AGENCY

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Троппер, Джонатан.
Т74 Самое время для новой жизни : роман / ДЖОНАТАН ТРОППЕР ; пер. с английско-го Л. ТРОНИНОЙ. — Москва : АСТ : CORPUS, 2015. — 544 с.

ISBN 978-5-17-085522-3

В своем дебютном романе знаменитый автор бестселлеров Джонатан Троппер отлично описал историю друзей, которые десять лет назад, окончив университет, мечтали о будущем, а на пороге тридцатилетия поняли, что жизнь складывается совсем не так, как они рассчитывали. Кто-то разводится, кто-то остался без работы, кто-то подсел на наркотики. Как выбраться из стольких передраг, как помочь другу и как помочь себе — вот вопросы, на которые наши герои должны найти ответы. Эта книга не только о любви, славе, пристрастии к наркотикам и похищении, она даже не о том, каково быть тридцатилетним. Это глубоко эмоциональный и смешной рассказ о том, каково это — становиться взрослым помимо своей воли.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-085522-3

- © Jonathan Tropper, 2000
- © Л. Тронина, перевод на русский язык, 2015
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
- © ООО “Издательство АСТ”, 2015
Издательство CORPUS ®

Глава 1

Джек ведь кинозвезда, то есть может позволить себе кой-какие вольности по части скандального поведения. Но, когда он заявился в ресторан на вечеринку по случаю тридцатилетия Линдси, едва держась на ногах, разбил нос очень уж заботливому метрдотелю, наблевал в горшки с гладиолусами, стоявшие рядком на низеньких подоконниках “Торре”, и наконец рухнул замертво в кресло у нашего столика, весело не было никому. Ни Линдси, которая, бросив: “Да гори оно все”, направилась к бару заказать еще водки. Ни Чаку, который вытряхнул в салфетку лед из бокалов и, бормоча проклятья Джеку, побежал на кухню выхаживать метрдотеля. Ни Элисон,

которая вскочила и, не на шутку перепуганная, стала приводить Джека в чувство, осторожно похлопывая его по щекам, прикладывая ко лбу мокрую салфетку и твердя как заведенная: “Господи, Джек, да очнись же”. Ни мне самому, который, не найдя, что тут еще можно сделать, встал из-за стола и под неодобрительное молчание хорошо одетой ресторанной публики последовал за Линдси.

Признаюсь, мне все-таки было весело — чуть-чуть. Нечасто такое увидишь.

— Ты как, Линдси? — спросил я.

Она запрокинула голову и залпом осушила стопку. Из невидимых колонок за нашими спинами сочилось какое-то музыкальное успокоительное вроде “Янни”.

— Ну, если сравнивать с ними, — она глянула на Джека и Элисон, — так у меня все просто замечательно. Вот засранец.

— Повторите, — крикнул я бармену, который нашел в себе силы на минуту оторвать от Линдси пылкий взгляд и выполнить заказ.

— Как думаешь, узнали его? — спросил я, оглядывая зал.

— Мне все равно.

— Твое здоровье, именинница.

Мы чокнулись и опрокинули еще по стопочке.

— Если б узнали, наверное, не сидели бы так спокойненько, — заметила Линдси. — Не каждый день на твоих глазах себя гробит настоящая кинозвезда.

— Хорошо, что его не задержали.

— Вечер только начинается.

— Надеюсь, метрдотелю не очень досталось, — сказал я и сморщился, вспомнив, как бедняга едва устоял на ногах после удара, как хрустнул его нос, повстречавшись с кулаком Джека.

Обычно раздаваемые Джеком затрецины подкреплялись аудиоэффектами. В реальности удар отозвался пугающим глухим звуком и показался от этого еще беспощаднее.

— Очень хочется вас спросить, — обратилась Линдси к бармену, — можно перестать пялиться на мою грудь?

Бармен, зобатый дядя лет сорока с подкрученными вверх усами, аж задохнулся от неожиданности и быстренько ретировался к дальнему краю стойки. Он вытащил какую-то тряпку и принялся усердно оттирать несуществующее пятно.

— Точно все нормально? — спросил я.

— Мог бы делать это не так откровенно, — сказала Линдси с досадой.

— То есть тебя разозлило не то, что он пялился, а то, что пялился слишком неуклюже?

— Заткнись, Бен.

Тут из кухни вернулся Чак. На лбу, пониже наметившейся лысины, блестели капельки пота.

— Господи, ну и жарница там.

Наутро Чаку предстояло оперировать, и он, как обычно в таком случае, заказал содовую со льдом. Бармен обслужил Чака, глядя в сторону, и тут же снова удалился в другой конец бара.

— Как метрдотель? — поинтересовался я.

— Выживет. Получил ушиб переносицы, несколько дней чихать будет больно. Я пообещал ему позвонить насчет лекарств. Как поживает мистер Голливуд?

Обернувшись к нашему столику, мы увидели, что Элисон наконец воскресила Джека и теперь насильно вливает в него стакан воды, отчего его коричневая рубашка покрывается темными влажными пятнами. В полумраке ресторана бледное лицо Джека приобрело желтушный оттенок, он казался изможденным и больным.

— Выглядит лучше, — сказал я как можно убедительней.

— Я, чувак, знаешь ли, встречал наркоманов, которые выглядели куда лучше, — фыркнул Чак.

— Избавь нас, пожалуйста, от жутких подробностей своей светской жизни.

— Поцелуй меня в зад, — ухмыльнулся Чак.

Он почему-то упустил тот момент, когда все мы выросли из словечек типа “чувак” и “поцелуй меня в зад”, и упорно цеплялся за эти анахронизмы, будто надеялся с их помощью замедлить процесс облысения.

— Отличный кадр для желтой газетенки, — оборвала нас Линдси, снова поворачиваясь к бару.

Светильники над стойкой выхватили из темноты светлые пряди ее волос, и вокруг головы возник мерцающий ореол.

— Джека пора уводить, — решил я. — Если его кто-нибудь узнает, это безобразие покажут по телеку.

— Да так ему и надо, — заметила Линдси, и мы поднялись из-за стойки.

— Зачем быть кинозвездой, если никто тебя не узнает? — буркнул Чак.

— Ты погляди на него, — ответил я. — Я сам его едва узнаю.

Так оно и было. Волосы Джека, обычно золотистые, засалились и сбились в колтун на лбу над темными очками от Гуччи; на щеках и подбородке красовалась недельная щетина. Прямо не верилось, что это тот самый человек, чьи лицо и тело, непременно

тело, последние несколько лет не сходили с обложек известных журналов, тот самый, для которого желтая пресса не находила других эпитетов, кроме избитых “покоритель сердец” и “секс-символ”. Но, даже засветись Джек где-нибудь немытый и нечесаный, как в этот вечер, ничего не изменилось бы. Он частенько появлялся на людях в таком виде, будто неделю душ не принимал. Обычное явление для Голливуда. В последнее время так вели себя все звезды, если, конечно, судить по снимкам, сделанным скрытыми камерами “Энтетейнмент уикли” и “Мувилайн”. Звезды словно заявляли: “Я красив(а), даже когда выгляжу как черт-те что”. Чистая правда, если говорить о Джеке. Его естество просвечивало даже сквозь слой глубоко въевшейся грязи: изумительные зеленые глаза, точеные скулы, небрежная, безотчетная, размашистая грация стройного тела. Всякий был бы счастлив хоть раз в жизни выглядеть как Джек, даже как Джек, обезображенный оспой.

Когда мы подошли к столику, Элисон быстро отвернулась, но я успел заметить слезы в ее глазах. Я подтолкнул Линдси локтем:

— Идите-ка на улицу.

Девчонки ушли, а мы с Чаком заняли места рядом с Джеком, который сидел, выпрямившись, в кресле, осоловелый, но смущенный лишь слегка.

— Ну что, дружище, уйдем отсюда без приключений или как? — спросил я Джека.

— Ребят, извините, — Джек застенчиво улыбнулся на миллион долларов. Затем поинтересовался озабоченно: — Я что, кого-то побил?

— Метрдетелю врезал, — напомнил я.

— И как он отреагировал?

— В основном истекал кровью.

— Твою мать, — Джек внимательно и с крайним неодобрением оглядел свой кулак, как будто тот самовольно разбил метрдетелю нос. — Я думал, конечно, что не стоит приходить в таком виде, но уж очень хотелось поздравить Линдси.

— И тебе это удалось, чувак, — заметил Чак.

— Дьявол, голова раскалывается, — Джек откинулся в кресле и потер виски.

Вдруг Чак подался вперед и двумя пальцами зажал Джеку нос. Джек резко выпрямился от боли и оттолкнул руку Чака:

— Совсем сдурел?!

— Я предполагал, что будет больно, — сказал Чак не без удовлетворения.

— Кокаин? — спросил я.

— Наверняка, старичок, — ответил Чак. — От кокаина носовые ходы становятся очень чувствительным.

— А не героин?

— Может быть, — согласился Чак. — Но ведет он себя скорее как кокаинщик.

— Черт возьми, Джек, — меня вдруг такая тоска взяла. — Кокс?

Тут пришел управляющий в сопровождении двух рослых парней с кухни, чтобы выкинуть нас из ресторана, и избавил Джека от необходимости отвечать.

Тогда-то мы и подумали впервые: а Джек, похоже, в серьезной беде.

Нам, конечно, и раньше приходило в голову, что Джек, может быть, не только пьет и курит, но знаменитости частенько ведут себя не лучше распоследних наркоманов, поди тут разберись. То и дело слышишь: такая-то голливудская звезда разнесла номер в “Плазе”. Или: такой-то был застигнут папарацци на пороге ночного клуба “Вайпер рум” в полубессознательном состоянии, к тому же немый-небритый. Не будешь ведь бить тревогу каждый раз, когда кинозвезда позволит себе чуть-чуть распоясаться, а то в наркологической клинике Бетти Форд

придется устанавливать вращающиеся двери для лучшей пропускной способности. Однако задним числом я припомнил, что в последние месяцы Джек и правда как-то замкнулся, по телефону отвечал торопливо, нервно, будто на другой линии его ожидал международный разговор или он только что выскочил из душа. Казался рассеянным и возбужденным, в общем, нашего Джека прямо подменили. Но у актера с миллионными гонорами жизнь не бывает безоблачной.

Стервятники из бульварной прессы давно кружили над Джеком, искали (читай: жаждали) любых признаков разложения, но мы — друзья — считали, что обязаны игнорировать распускаемые ими слухи. Да и не хочется думать, что СМИ знают о твоём друге больше тебя самого.

Джек ведь вовсе не собирался сниматься в кино — вот ирония судьбы. Слава пришла к нему так же нечаянно и легко, как приходило и все остальное. Помнится, в студенческие времена он мог, возвращаясь с вечерней работы, небритый, со слипшимися и присохшими ко лбу волосами, в замызганной, насквозь пропотевшей толстовке с эмблемой Нью-Йоркского университета, совершенно случайно забрести на вечеринку и через час уходил с кем-то из девиц, которые буквально караб-

кались друг на друга, чтобы предоставить себя в его распоряжение. Он ничего такого не планировал, он вообще ничего никогда не планировал. С Джеком все происходило само собой. Задумайся он об этом хоть раз, решил бы, наверное, что и у всех оно так. Но Джек не задумывался. Хотелось иногда обидеться на него или даже слегка возненавидеть, но невозможно завидовать тому, кто и не осознает, как щедро одарила его природа. Он ведать не ведал о собственных чарах и тем очаровывал еще сильнее.

В последний год перед выпуском Джек подрабатывал по вечерам официантом в кафе “Вайолет”. По условиям университетской стипендии Джек мог работать двадцать часов в неделю. Однажды, подавая кофе со льдом, он разговорился с каким-то парнем, успешно делавшим карьеру на одной из крупнейших киностудий. Парень знал нужного человека, а тот знал другого нужного человека, и уже через несколько недель Джека вызвали на кинопробу. Остальное было лишь вопросом времени. Сразу после Дня благодарения Джек получил карточку члена Гильдии киноактеров и роль без слов в боевике с Харрисоном Фордом. По ходу съемок сценарий слегка переписали, теперь Джек должен был произнести целых три реплики, в ходе двенадцатисекундной перестрелки уложить громилу-китайца, а потом сам

схлопотать пулю. Три недели Джек провел на съемках в Лос-Анджелесе и вернулся разочарованный, что так и не увидел Харрисона Форда. “Его вообще там не было, — сокрушался Джек. — Он уже над другим фильмом работает”.

Через некоторое время тот фильм с Фордом вышел на экраны, его посмотрел агент с “Мирамакса”, который как раз подыскивал актеров для малобюджетного боевика под названием “Голубой ангел”; агенту понравилось, как Джек держит бутафорскую пушку. Джека пригласили на главную роль с оплатой по ставке, и наш друг улетел в Голливуд. “Голубой ангел” неожиданно стал очень популярным, и Джека провозгласили новым королем голливудских боевиков. Мы не особенно удивились, когда он даже не приехал на вручение дипломов.

Однажды я спросил Джека, чем он собирался заниматься до того, как в нем открыли великого актера.

— То есть? — не понял Джек.

— Ты ведь по социологии специализировался, а диплом социолога — все равно что диплом безработного, — пояснил я. — Что ты после колледжа собирался делать?

Джек наморщил лоб, явно озадаченный вопросом.